

Вопросы В.М. Межуеву и ответы

Вопрос (В.Г. Федотова):

Почему слова Грызлова истолкованы как объявление врагами социалистов и либералов. Назвав себя консервативной, «Единая Россия» просто поступила из каких-то обыденных, невнятных положений.

Ответ:

Я сужу об этом не со слов Грызлова, а на основании той разностной критики либерализма и социализма, которая звучит сегодня в средствах массовой информации и в речах идеологов и политологов, близких к власти.

В.Г. Федотова:

Мой второй вопрос касается концепции понимания марксизма, над которой Вы давно работаете. В советское время многими она рассматривалась как апология социализма. Я всегда говорила, что это критика того, что мы называем реальным социализмом. Но, все-таки, определите: при каком строе мы жили в советское время?

Ответ:

Я никому не запрещаю считать то время социализмом, но для меня этот социализм не имеет ничего общего с пониманием социализма Марксом и даже Лениным. Это социализм в его сталинской версии, и все, кто отождествляет то время с социализмом (независимо от того, восхваляют они его или осуждают), для меня сталинисты. Сталин действительно считал созданную им общественно-политическую систему социалистической, но почему мы должны верить Сталину? Ведь тогда и нацистскую Германию можно считать социализмом, его определенной разновидностью. Называть наш социализм общинным, о котором когда-то мечтали революционные де-

мократы, начиная с Герцена, также неправомерно, учитывая судьбу русского крестьянства. Согнать всех оставшихся в живых после раскулачивания крестьян насильно в колхозы и отобрать у них паспорта — это не общинный социализм, а государственное закабаление сельского населения. Даже если мы спишем все ужасы коллективизации на издержки сталинского правления, трудно в наших колхозах усмотреть продолжение сельской общины. В любом случае идея общины имеет мало общего с идеей социализма в ее марксистском понимании, хотя Маркс и считал возможным переход России (как отсталой и аграрной страны) к социализму через общину. Но при условии победы социалистической революции в Европе. Построить же социализм на базе исключительно общинного землевладения — чисто русская утопия. Крестьянская община, как и вообще общинная психология, является главным тормозом на пути модернизации России. Даже если внутри отдельной общины царят мир, спокойствие и согласие (что, конечно, маловероятно в условиях рынка), то и тогда остается открытым вопрос: что может объединить все эти общины в одно общество? Как одна община связана с другой, что служит «связующим единством» между ними?

На Востоке в качестве такого «связующего единства» всегда выступало государство, препятствовавшее выходу земледельцев из общины и бравшее на себя роль главного сборщика налогов. Здесь исток восточного деспотизма. Из идеи общины прямо вытекала идея деспотической или самодержавной власти. Видимо, первого докладчика симбиоз общинного образа жизни с деспотизмом не пугает. Я же считаю, что для России — это путь в никуда. На этом пути гибли все древние цивилизации. Советская власть, если даже и считать ее своеобразным продолжением общинной формы самоорганизации в сфере политики, также не избежала быстрого перерождения в командно-административную, бюрократизированную до предела систему управления. Если это социализм, то какой-то азиатский, государственно-

монополистический, этатистский. Подобный социализм Маркс называл казарменным или грубым коммунизмом. Его можно назвать и тоталитаризмом, а я называю — «современным варварством».

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

У меня простой вопрос для уточнения понимания. Маркс у Вас — большой культуролог, «Капитал» и «Манифест» мы выбрасываем, а Маркса воспринимаем как культурного мыслителя. Я правильно понимаю Вашу позицию? Вы говорите, что марксизм — это не экономика и не политика.

Ответ:

Марксизм, в моем представлении, не столько экономическое или политическое, сколько историческое учение — историческая критика капиталистической экономики и буржуазного государства (т. е. высших, с точки зрения Маркса, форм экономического и государственного развития), причем критика с позиции культуры, точнее, человека, сформированного европейской культурой. И «Капитал», как «критика политической экономии», — тому прямое подтверждение. Его совсем не надо отбрасывать для подтверждения моей мысли. Маркс, с моей точки зрения, не экономист (в духе Смита или Рикардо) и не культуролог в современном смысле этого слова, а историк («мы знаем только одну науку — науку истории» — писал он вместе с Энгельсом), но историк особого рода, стремящийся превратить историю в научную теорию, названную им материалистическим пониманием истории. Научно понятая история — это не просто экономическая или политическая история, а история самого человека — как он представлен во всем богатстве культуры. Коммунизм для него — общество, живущее по законам культуры, которые нельзя отождествлять ни с законами рыночной экономики (а другой просто не существует), ни с законами государственного управления (потому государство и отмирает).

Это трудно понять людям, для которых общественная жизнь человека целиком исчерпывается экономической и государственной сферами.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня очень короткие три вопроса. Вопрос первый. Было сказано, что некто Грызлов либеральный социализм считает провалом. Вместе с тем, в Правительстве заседают и Чубайс, и другие, кого принято относить к либералам, и никуда от этого не денешься — они нами руководят. Зачем Вы так говорите?

Второй вопрос. Было сказано: экономика — только капиталистическая. Простите, я знаю, что такое экономика, я ею занимаюсь. Я знаю, что это *неверно*. Я знаю, что экономика бывает разных форм.

И третий вопрос: было сказано, что общество не существует без индивидуума, а индивидуум — это *мыслящая* личность. Но что это такое? Простите, я давно занимаюсь проблемой мышления. Утверждение, что всякая личность может мыслить, тоже неверно. Точнее, само понятие «мышление» очень непростое.

Ответ:

Первое. Чубайс, как и Гайдар со своей командой, — не либералы в классическом смысле этого слова, а неолибералы, или экономические либералы, для которых свобода частного предпринимательства важнее политической свободы и права. Рынок для неолиберала и есть «царство свободы». Классический же либерализм — это апология не рынка, а правового государства, «юридическое мировоззрение». Либералы — в первую очередь юристы. Наши же либералы в большинстве своем вышли из экономистов, имеющих к праву весьма отдаленное отношение. Свобода для них тождественна рыночной конкуренции. В этом они противостоят социалистам, для которых капиталистический рынок — последняя форма человеческого рабства.

Второе. Капитализм — не единственная, но высшая форма экономического развития, если под экономикой понимать производство товаров. Можно, конечно, говорить и об экономике натурального хозяйства, производящего не для рынка, а для собственного потребления. Но это уже какая-то другая наука — не экономическая. Я не знаю экономической науки без таких категорий, как «товар» и «деньги». В советские времена мы противопоставляли рыночной экономике плановое хозяйство в масштабе всего государства (Госплан), но государственное планирование и государственный дирижизм в сфере производства — не чисто экономический, а управленческий вид деятельности. Не надо смешивать экономическую теорию с теорией управления, частное предпринимательство — с государственным управлением производством. Дирижер управляет оркестром, но не является его собственником, экономической фигурой. Если Вы отождествляете теорию управления с экономической наукой, а огосударствление всего производства — с экономикой, то это Ваша проблема.

Третье, по поводу мышления. Об этом можно долго говорить. Разделяемая Просвещением формула «человек как *homo sapiens*» сегодня многими подвергается сомнению. Хайдеггер, например, отличительным признаком человека считает не его разумность, а его конечность, смертность. Для Маркса главное в человеке — его способность создавать себя, свои отношения с другими людьми, быть в этом смысле практическим субъектом исторического действия. Человек мыслит лишь в той мере, в какой творит себя и окружающий его мир. С этой точки зрения, мыслит тот, кто так или иначе участвует в историческом процессе.

Вопрос (А.В. Шубин):

У Маркса есть такая тема, как общество, развивающееся по единому плану. Вы говорите, что марксизм — это общество свободных, творческих людей. Каким образом Маркс

предполагал формирование этого плана, единого между людьми, у которых явно есть масса противоречий?

В своем докладе Вы четко противопоставляете путь к этому будущему — революционный и демократический. Соответственно, хотелось бы услышать Ваше определение революции и демократии.

Ответ:

Не следует думать, что у Маркса можно найти ответы на все вопросы. Многое приходится додумывать самому, строить предположение, как бы он сам ответил на поставленный вопрос.

Если Маркс и писал об обществе, развивающемся по единому плану, то вряд ли думал, что объектом планирования в таком обществе станут не просто вещи, но и люди. Он действительно считал, что в будущем обществе на смену управлению людьми придет управление вещами, тогда как сами люди будут жить в режиме самоуправления.

Теперь о соотношении революции и демократии. Интересный и очень важный вопрос. Я думаю, что Маркс ошибся в своем предвидении социалистической, или пролетарской, революции, которая так нигде и не состоялась в Европе. Октябрьская революция, осуществленная большевиками — как и предвидел Маркс, когда писал о России, — была по существу крестьянской, а возникший в результате ее социализм не имел ничего общего с пониманием социализма Марксом. Похоже, что эпоха революций заканчивается с наступлением демократии. Революция оправданна в борьбе с абсолютистским или самодержавным строем, т. е. с тиранией и деспотией, но теряет свое значение с переходом к гражданскому обществу и правовой демократии, уступая место парламентским формам политической борьбы. Я сильно сомневаюсь, что Маркс и Энгельс до конца жизни считали революцию единственным способом перехода к социализму. Их ученики и последователи полагали, что такой переход может быть осуществлен и путем реформи-

рования общества в рамках парламентской (буржуазной) демократии. За это русские большевики, которые в большинстве своем были революционерами, объявили их ревизионистами, оппортунистами и проч. Вся современная социал-демократия исходит из того, что переход к социализму не может быть осуществлен средствами политического насилия, т. е. революционным путем. К тому же выводу пришел и Ленин в конце жизни, выдвинув идею культурной революции как метод построения социализма. Политическая революция нужна для взятия власти, но сам социализм нельзя построить посредством политического насилия. Этот вывод перечеркнул Сталин, объявив насилие главным средством построения социализма в результате якобы происходящего в нем обострения классовой борьбы. Политическая революция как способ перехода к социализму, на мой взгляд, — идея, навсегда ушедшая в прошлое: переход к социализму может быть осуществлен только эволюционным путем. Единственным по-настоящему революционным классом в истории является, с этой точки зрения, не пролетариат, а буржуазия, с победой которой в буржуазно-демократической революции революция перестает быть «локомотивом истории». Да, и при демократии возможны военные перевороты, заговоры, путчи и пр., но все это признаки еще незрелой, слабой демократии. Какая современная демократическая страна, пусть и капиталистическая, стоит сегодня на пороге революции? Причина всех политических революций — отсутствие демократии, т. е. политической свободы.

Вопрос (В.Г. Буданов):

Можно ли сказать, что поздний Маркс был идеологом общества знания?

Ответ:

Он и был им. Но не только знания, но и культуры в целом. А производство, на котором основывается такое общество, он называл научным производством.

В.Г. Буданов:

Правильно ли я понял, что Маркс в конце жизни основой общественного порядка считал не экономические отношения, а свободную индивидуальность?

В.М. Межуев:

Именно так. Но возможен ли порядок в условиях индивидуальной свободы? Возможен ли вообще какой-либо порядок, основанный на свободе каждого? Ведь индивидуальная свобода — это право каждого на собственный выбор. Но если каждый волен в своем выборе, то как люди могут договориться друг с другом? Это и есть главный вопрос социалистической теории. Очевидно, порядок, основанный на свободе, возможен на основе особого типа коммуникации между людьми, предполагающего постоянный диалог, публичную дискуссию между ними. На мой взгляд, социализм — это доведенная до логического конца идея гражданского общества, хотя Маркс называл такое общество собственно человеческим («обобществившимся человечеством»), противопоставляя его гражданскому, т. е. в его представлении — буржуазному обществу. Социализм — это превращение публичной сферы общественной жизни (в отличие от частной, приватной) в основную сферу человеческой жизнедеятельности.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Вадим Михайлович, не кажется ли Вам, что Маркс в своих построениях оставался человеком эпохи Просвещения? Он верил в позитивную *природу* (натуру) человека, поэтому у него доминирует идея прогресса как естественного движения человечества по мере освобождения от природных обременений и социальных господств. Для него проблема заключалась не в том, *что* именно произойдет в случае уничтожения обременений и господств, а *как* осуществить данное действие. В позитивных последствиях он не сомневался. И общество свободных людей воспринимал как общество

творческое, конструктивное, гармоничное. В то же время опыт XX века — да и заря постсовременного мира — показывают, что общество свободных и творческих людей может быть крайне непозитивным и даже деструктивным. Я, со своей стороны, вижу в этом неполноту Маркса. Вопрос же заключается в том, согласны ли Вы со мной?

Ответ:

Не надо делать из меня адвоката Маркса. Через Маркса, как и других выдающихся мыслителей XIX в. и XX в., проходит некоторый общий вектор развития европейской культуры, к которой мы все, присутствующие здесь, так или иначе принадлежим. Я просто пытаюсь в текстах Маркса выявить этот вектор, отнюдь не превращая в окончательную истину все им сказанное.

Связь Маркса (как и всей классической немецкой философии от Канта до Гегеля) с Просвещением очевидна, хотя он не адепт, а критик Просвещения, причем с позиции, скорее, Возрождения и гуманизма. Маркс — прямой наследник гуманистической традиции европейской культуры, идущей из эпохи Возрождения, которая, кстати, породила и первые коммунистические утопии (Томас Мор, например). Согласно этой традиции, человек от природы не добр и не зол, а свободен, т. е. обладает правом выбора между добром и злом. Пока выбирает не он, а за него, он либо животное, живущее по законам природы, либо существо, целиком находящееся во власти Бога. Ни то, ни другое не является для Маркса решением проблемы человека. Человек должен сам выбрать, кем ему быть — скотиной или духовно развитой личностью. От чего зависит этот выбор? Для просветителей судьей в этом выборе является разум: именно он должен руководить человеком в его выборе. Для Маркса выбор, в результате которого появляется человек, зависит не просто от разума, а от общества, в котором он живет. Поэтому воспитать человека в духе добра можно лишь изменив общество в определенном отно-

шении. Добро становится нормой жизни лишь в обществе, в котором индивид преследует не свой частный, а общий интерес, состоящий в праве каждого быть свободной индивидуальностью. Короче, если просветители отождествляли общественное с частным, то Маркс в духе гуманизма отождествлял его с индивидуальным, т. е. с обществом не частных, или «абстрактных» индивидов (частных собственников или частичных рабочих), а свободных индивидов, каждый из которых равен не части, а целому.

Вопрос (М.В. Ремизов):

У меня два вопроса полемического характера, но вызваны они, быть может, тем, что я не увидел каких-то взаимосвязей, которые видите Вы.

Вопрос первый. Вы говорите, что по-настоящему общественная собственность — это наука. Патенты принадлежат всем? Технологии принадлежат всем? Вся переходная часть от науки к жизнеобеспечению фактически сейчас находится в зоне частной собственности, причем достаточно жестко охраняемой. Это констатация. А вопрос заключается в следующем: если мы это упраздняем — это не революция? Я слышал, что в Вашем определении — это переход к гражданскому обществу, т. е., может быть, не та революция, что была в XVIII в., но это совершенно точно политическая революция.

Второй вопрос звучит просто: как социализм помогает человеку быть индивидуальностью? Поясню. Вы говорите, что это прежде всего культурная теория, а не теория политическая и экономическая. Но у Вас ничего не сказано о культурных техниках социализма. Вы показываете, что мотивы Маркса, когда он говорит о своем идеале, действительно имеют культурный характер. Но предлагаемые техники носят социально-экономический и политический характер. Маркс, марксисты говорят о том, каким образом дать человеку свободное время жизни через политические и экономические механизмы, но они не говорят о том, каким образом его

правильно заполнить. Вы же сами констатируете, что капитализм решает эту задачу не хуже. Он решает эту задачу нормально, дает человеку свободное время жизни. Но на выходе мы получаем общество потребления. Есть ли у социализма альтернативные рецепты в этом отношении?

Ответ:

Слово «революция» можно употреблять в очень широком контексте — как синоним любого изменения: научная революция, технологическая, культурная и пр. Я говорю о революции лишь в аспекте социально-политическом. Что означает переход к общественной собственности? Для большевиков этот переход был прямо связан с революционным насилием — конфискацией, национализацией, экспроприацией частной собственности. Такой переход с самого начала носил антиправовой характер. Право частной собственности отменялось. Маркс же называл общественную собственность не просто отрицанием частной собственности, а «отрицанием отрицания». С моей точки зрения, это не отказ от права частной собственности, но иное его толкование, наполнение новым содержанием. Собственностью теперь является не только то, что принадлежит мне на правах экономического субъекта (например, средства и орудия моего труда), но и то, что принадлежит мне на правах свободной индивидуальности — все культурное богатство общества. Такую собственность Маркс в «Капитале» называл, правда, не частной, а индивидуальной собственностью, отождествляя ее с общественной. Здесь каждый владеет всем богатством культуры, и потому такая собственность делает человека не имущественно, а духовно богатым существом. Общественная собственность отрицает частную собственность по объекту (здесь собственностью является не часть, а все общественное богатство), и восстанавливает по субъекту (здесь каждый является собственником). В реальной практике это означает следующее: свободный доступ к культуре в ее полном объеме

должен стать правом каждого человека. Общественная собственность — это право людей на владение и пользование всей культурой, а не просто частичным овеществленным или денежным капиталом. Она — не экономическая, а культурная категория. Культура (наука, технологии, художественные произведения, информация и пр.) может функционировать и в экономической функции капитала, т. е. в качестве объекта частной собственности (здесь Вы правы). Но проблема как раз и состоит в том, чтобы перевести ее из формы капитала в человеческую форму, в форму самой культуры, т. е. превратить в объект общественной собственности. Если общество потребления при этом превратится в общество потребления культуры (а не ее суррогатов), то в этом я не вижу ничего плохого. Ведь любое потребление культуры имеет на выходе производство, а именно — производство самого человека как общественного существа. Этот вид производства и является базисным для социализма.

М.В. Ремизов:

Вы говорите, что пусть те, кто сегодня являются собственниками основной части интеллектуальных активов, критичных с точки зрения построения новой цивилизации или развития всеобщего труда, остаются собственниками, но пусть они дают всем этим пользоваться. Это означает доступ к технологиям.

В.М. Межуев:

Покупая на рынке, скажем, сочинения Пушкина, мы ведь не обретаем права единственного собственника на его творчество. За произведением в любом случае остается имя его автора. Общественная собственность отвергает не право автора на свое произведение — авторское право, а право считать культурой то, что принадлежит только отдельному лицу. Художественные произведения, технические изобретения, научные открытия, несомненно, являются собствен-

ностью их авторов, но культурой они становятся в качестве всеобщего достояния, т. е. как объект общественной собственности.

А.И. Неклесса:

Мне кажется, Михаил Витальевич говорит о том, что собственность на нематериальные активы — предмет очередного и, надо сказать, достаточно серьезного социального конфликта, который уже манифестирован. В мире существует энергичное движение, проблематизирующее ситуацию с нематериальными активами, стремящееся определить рамки новой социальной и политэкономической ситуации и рассматривающее в том числе необходимость/возможность отмены либо серьезного ограничения прав собственности на интеллектуальный продукт как фактор, сдерживающий развитие человеческого сообщества. Кстати, проблема эта имеет весьма глубокие корни: еще в средневековом обществе именно так и рассматривалась интеллектуальная собственность, т. е. как принадлежащая не отдельному человеку, но всем людям, поскольку она есть дар Божий. Плата за трансляцию знаний воспринималась примерно как разновидность симонии, т. е. по сути — торговли благодатью.

В.М. Межуев:

Я бы сформулировал несколько иначе: индивидуальная собственность автора на свое произведение не отменяется, но посредством приобщения к нему широкой аудитории становится достоянием каждого, т. е., если угодно, общественной собственностью. Причем для самого автора это служит высшей оценкой и признанием его творчества.

Теперь о свободном времени. Это действительно важный вопрос. Главным правом человека является его право на время собственной жизни, что равносильно вообще его праву на жизнь. Я свободен, если время моей жизни принадлежит исключительно мне, а не другому. Время, которым я могу рас-

поряжаться по собственному усмотрению, и называется свободным. Свободное время долгое время было привилегией для немногих, но уже с развитием капитализма и за счет сокращения рабочего времени оно становится достоянием каждого. Вопрос лишь в том, как он использует это время, чему оно служит в обществе. При капитализме свободное время — это время воспроизводства человека в качестве рабочей силы (Маркс называл его временем прибавочного труда), социализм призван придать ему значение производства самого человека как свободного и целостного общественного существа. В этом случае свободное время становится главным временем общественной жизни человека, базисом общества. Задача социализма — превратить свободное время в основную меру общественного богатства. С этой точки зрения, общественное богатство измеряется ростом не рабочего, а свободного времени: чем его больше у человека, тем общество богаче.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Первый вопрос у меня к Сергею Георгиевичу. Если социализм — это проект жизнеустройства, то что является главным, единым критерием успеха этого проекта? Что за показатели?

Ответ (С.Г. Кара-Мурза):

Счастье людей.

С.С. Сулакишин:

Вадим Михайлович, Вы сказали, что «социализм — это теория». Что за объект в природе, теорией которого является социализм?

Ответ (В.М. Межуев):

Объектом социалистической теории является не природа, а человек, каким он предстает в плане своей истории и культуры.

С.С. Сулакшин:

Еще вопрос. В Вашем контексте дайте, пожалуйста, дефиницию, что есть культура?

В.М. Межуев:

Таких дефиниций много, но воспользуюсь той, которая мне ближе — она принадлежит Зигмунду Бауману: «культура есть мост, который соединяет время человеческой жизни с вечностью». Это мост, который люди строят между временем своей физической жизни и бесконечностью человеческого рода. В терминологии Маркса, культура — это производство самого человека как целостного общественного существа или как свободной индивидуальности, равной не части, а целому, т. е. всему тому, что достигнуто людьми в ходе человеческой истории.

С.С. Сулакшин:

То есть культура — это мост?

В.М. Межуев:

Культура, в отличие от культа, это хранитель вечности не на небе, а на земле.

С.С. Сулакшин:

Пожалейте меня, как культура может быть мостом?

В.М. Межуев:

Мост — это, конечно, метафора. Сначала процитирую всем известные стихи Пастернака:

«Не спи, не спи, художник;

Не предавайся сну.

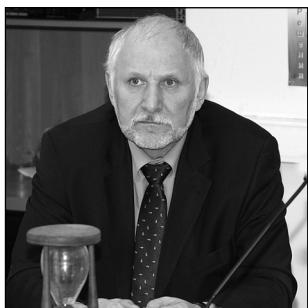
Ты — вечности заложник

У времени в плену».

Значит, между временем нашей земной жизни и вечностью, как бы ее ни понимать, существует какая-то связь, что

и находит свое выражение в культуре. Культура построила много таких мостов. Один из них представлен религией, связующей нас с вечной жизнью на небе. Но может ли человек обрести вечную жизнь не на небе, а на земле, в своей земной жизни? Ответом на этот вопрос и является культура. В отличие от культа культура связывает человека с вечностью в пределах времени его земной жизни. Время культуры и есть свободное время. На эту тему можно говорить долго, но времени, к сожалению, не хватает...

В дискуссии выступили:

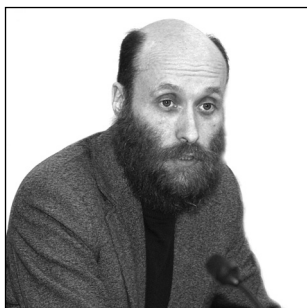
Сулакшин С.С.

Федотова В.Г.

Багдасарян В.Э.

Шубин А.В.

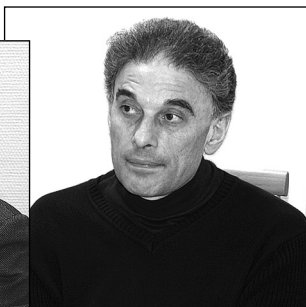
Буданов В.Г.

Окара А.Н.

Ремизов М.В.

Римский В.Л.